

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЧИТАЙТЕ ДЕТЕКТИВЫ ОЛЬГИ ВОЛОДАРСКОЙ! В НИХ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ!

КАРА ДОН-ЖУАНА

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ ГЕЙШИ

ХРУСТАЛЬНАЯ ГРОБНИЦА
БОГИНИ

СЕРДЦЕ ЧЕРНОЙ МАДОННЫ

КОРОЛЬ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЬ

ПРИНЦИП ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

СВИДАНИЕ С НЕБЕСНЫМ
ПОКРОВИТЕЛЕМ

КЛЯТВА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

НОЖНИЦЫ СУДЬБЫ

НЕСЛУЧАЙНАЯ НОЧЬ

ПОДУМАЙ ОБ ЭТОМ ЗАВТРА

ПРИЗРАК БОЛЬШОГО ГОРОДА

ДЕВЯТЬ КРУГОВ РАЯ

СТРАСТЬ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

ОТВЕРГНУТЫЙ ДАР

ТАЙНЫЙ ДНЕВНИК ЛОЛИТЫ

ЛУННЫЙ ДЕМОН

ОН БЫ ОТДАЛ ЖИЗНЬ

СЕДЬМАЯ КАЗНЬ

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ТЕМНОЙ
ДУШИ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ КАК
ПОСЛЕДНИЙ

ГИБЕЛЬНЫЙ ГОЛОС СИРЕНА

МЕМУАРЫ МЕРТВОГО
НЕЗНАКОМЦА

ДЕФИЛЕ НАД ПРОПАСТЬЮ

ЛЮБОВЬ КАК ВОЙНА

КРАСАВИЦА-ЧУДОВИЩЕ

НЕТ ДЬЯВОЛА ВО МНЕ

ПИКНИК НА МЛЕЧНОМ ПУТИ

ДОГОВОР НА ОДНУ ТАЙНУ

ИСПОВЕДЬ ОТШЕЛЬНИКА

ОТВЕТ ПЕРЕД ВЫСШИМ СУДОМ

ПОЕДИНОК С МЕЧТОЙ

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ КРУГ АДА

ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТАНЕТ
ВРАЩАТЬСЯ

ТО ЛИ АНГЕЛ, ТО ЛИ БЕС

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ, ВТОРАЯ
ЖИЗНЬ

КУКЛА ЗАТВОРНИКА

ОСКОЛКИ ХРУСТАЛЬНОЙ
МЕЧТЫ

ШЕПОТ ГОРЬКИХ ТРАВ

ОБЕТ БЕЗ МОЛЧАНИЯ

ПРИЗРАКИ ЗАБЫТЫХ МОГИЛ

Я ЗНАЮ, КТО МЕНЯ УБИЛ

СЕРИАЛ

«СОКРОВИЩА КНЯЗЕЙ
ШАХОВСКИХ»

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СЛУЧАЙ

КАРМА ФАМИЛЬНЫХ
БРИЛЛИАНТОВ

НАШ ГРЕШНЫЙ МИР

*Все персонажи этой книги вымышлены.
Любые совпадения случайны.*

Часть первая

Глава 1

Они познакомились три года назад в клубе-ресторане «Догма». Модное место, ориентированное на молодежь. Золотую и ту, что поднялась из низов: тик-токеров, вайнеров, геймеров, стримеров. Паша работал в нем сначала официантом, затем барменом, Анна же была завсегдатаем. Заходила не реже двух раз в неделю. Любила фирменные безалкогольные коктейли, блюда молекулярной кухни и приглушенную музыку. Едва включался в работу диджей и начинался танцевальный движ, она покидала заведение. Держалась особняком. Бывало, приходила с компанией, но редко. И те, кто составлял ее Ане, больше в «Догме» не появлялись, а она неизменно возвращалась.

Девушка отличалась от других, поэтому Паша Субботин и обратил на нее внимание. Приятная, милая, интеллигентная, дорого, но не модно одетая, она не примыкала ни к одному из кланов. Золотые детки держались вместе, как и «позолоченные». Иногда пересекались, но не сближались. Они были из разных миров. Отпрыски миллионеров, чиновников, богемы с юных лет занимались с репетиторами, изучали языки, путешествовали, и обретшие славу благодаря интернету пацаны

и девчонки казались им тупыми, ограниченными... Колхозниками! Колхозники, в свою очередь, не любили мажоров. Легко быть крутым, когда ты родился с золотой ложкой в зубах. А ты попробуй выбраться из грязи в князи! Купить «Майбах» на свои, а не папины денежки. Что, кишка тонка?

Такие перепалки случались между завсегда-таями. Мажоры в словесных баталиях побеждали. У них и словарный запас больше был, и опыт унижения тех, кто ниже по статусу. Однако колхозники одолели бы их в драке, но потасовки пресекались охраной. Тоже молодыми ребятами из спортивной среды. За Анной ухаживал один, Мага, красавец, боец смешанных единоборств, обладатель пояса какой-то не самой крутой лиги, но и ему было всего двадцать. А девушка предпочла ему худого очкарика... Пашу!

Он работал с семнадцати лет. Как окончил школу, так и устроился официантом. Не в такое крутое заведение, как «Догма», а в обычную закусочную, и все же смог там неплохо зарабатывать. А все потому, что вкалывал по двенадцать часов. Кроме этого еще и учился на очном, чтобы в армию не идти. Ума Паша был блестящего, памятью обладал феноменальной, так что сессии сдавал легко. Педагоги прочили парню большое будущее, уговаривали пойти в аспирантуру, посвятить себя науке, но тот хоть и не знал, кем собирается стать, но в одном был уверен — только не ученым.

Родители Паши погибли, когда ему было девять. Мальчика отправили в детдом, откуда его

забрал через два года единственный родственник, двоюродный дед Эрнест Глебович Субботин. Жил он в некогда засекреченном городе на Волге, туда еще академика Сахарова сослали. Работал в НИИ заведующим лабораторией. Был невероятно умен и чудаковат. Деда своего Александра Паша не знал, тот умер до его рождения от рака, но, как говорил Эрнест Глебович, был просто гением. Однако отказался от научной карьеры и на заре перестройки занялся бизнесом. В нем преуспел и оставил приличное наследство. Сын его, Пашин отец, его еще приумножил. Они жили не просто хорошо, роскошно. Из-за денег родителей и убили. Бизнес Субботиных отжали, как и недвижимость, а девятилетний Павлик остался бедным сироткой.

Барчук попал в детдом. И мог бы там пропасть, но сумел сориентироваться. Паша быстро научился выживать, сведя дружбу с нужными ребятами. Поэтому, когда мальчику сообщили о том, что его забирает к себе брат деда, он даже не обрадовался.

Эрнест Глебович жил в большой захлавленной квартире в центральном районе города Энска. Невзирая на звание доктора наук, получал скромно. Деньги мало интересовали профессора. Питался он в институтской столовой, годами, если не десятилетиями, носил одну одежду, не имел не только машины, но и телевизора. Единственной роскошью в его доме был компьютер, но Павла к нему не подпускали. Дед выделил ему самую большую комнату с шикарным балконом, устроил в школу и оставил в покое. Деньги на элемен-

тарные нужды он оставлял на холодильнике. Часто забывал, но по требованию выдавал. Иногда приносил Паше пирожки и эклеры из столовой. Но обычно его не замечал. Впрочем, как и многих. Эрнест Глебович был погружен в науку. Внимание на опекаемого родственника обратил, только когда понял, что тот унаследовал дедов ум. Паша в двенадцать решал задачки из высшей математики ради забавы. Ему легко давались физика и экономика, которую начали преподавать в их школе. Не ладилось у парня только с химией, любимой наукой Эрнеста Глебовича. Но двоюродный дед понял, что Павлу просто не повезло с педагогом, и стал заниматься с ним лично. Даже сделал пропуск в свой НИИ (секретность с него сняли), где в его распоряжении была шикарная по советским меркам лаборатория.

Паша и в химии начал разбираться, но она не увлекла его. Поэтому по окончании школы он поступил в московский вуз, где готовили физиков-ядерщиков. Эрнест Глебович на него обиделся, как когда-то на своего брата, ушедшего в бизнес, и перестал с ним общаться. Поэтому Паше никто не помогал. Он вкалывал сначала в закусочной, потом в «Догме», размышлял о том, кем стать по окончании университета, каким образом откосить от армии и... как удержать рядом с собой прекрасную Анну. Паша мечтал создать с ней семью, но что он мог предложить ей в свои неполные двадцать три? У него ни кола, ни двора, ни четких перспектив. При хорошем раскладе его, блестящего студента, возьмут в государ-

ственную корпорацию, помогут уладить вопрос с армией, возможно, дадут служебную квартиру, но благополучия придется ждать. И не факт, что оно наступит. Ум не гарант радужного будущего, уж в этом Паша, проживший с Эрнестом Глебовичем шесть лет, не сомневался. Но тому не нужна была семья, дети, а младшему Субботину — да.

Анечка была старше его на год. Ей уже исполнилось двадцать четыре. Она получила профессию и работала в рекламном агентстве. Жила в шикарной квартире с папой. Тот воспитывал ее один и познал радость отцовства в зрелом возрасте, когда ему было хорошо за сорок. Он души не чаял в своей девочке, оберегал ее ото всех невзгод, а еще... Считал, что Ани достоин лишь избранный. Поэтому она ему Пашу не представляла.

— Мы три года знакомы, — говорил он ей. — Давно дружим и уже год встречаемся. Мы планируем совместное будущее. Не пора ли тебе представить меня отцу?

— Я боюсь, Павлик, — вздыхала она. — А вдруг ты ему не понравишься?

— Потому что я голодранец?

— Совсем нет. Папа сам из бедной семьи.

— Тогда в чем дело?

— Ты работаешь в клубе.

— И что?

— Папа считает, что там весь персонал бухает, а то и принимает наркотики.

— А те, кто их посещает?..

— Тоже. Поэтому я скрываю от него свои визиты в «Догму».

— И не пьешь алкоголь?

— Да. Но я не трезвенница. В Новый год и в наши дни рождения мы с папой пьем шампанское. И на корпоративах я могу вина пригубить. Он не против. Но, чтобы со мной ничего не случилось, папа забирает меня с банкетов. А как-то я даже водки выпила, когда мы проект сдали! Целую стопку...

— Ты мне зубы не заговаривай. Скажи, когда будешь с отцом знакомить? Мы можем не говорить, где я работаю. Тем более я после защиты диплома уволюсь. Буду себе место искать.

— И сразу после этого я вас познакомлю. Пойми, я не хочу все испортить. Вы оба мне дороги. Я люблю тебя, но и мнение отца мне очень важно.

— А если он будет против меня, кого ты wybierешь?

Паша хотел задать этот вопрос, но сдержался. Конечно, отец важнее. Другого не будет. А влюбиться Аня сможет еще раз. Он очень рационально мыслит. Физик все же, не лирик. Хотя его любовь к Ане была нелогичной. Он должен был выбрать другую. Более подходящую ему. Например, Катюшу.

Они вместе учились. Она была ему под стать, то есть мыслила в том же направлении, интересовалась теми же вещами. Умная девочка из простой семьи, она и сессии сдавала, и умудрялась подрабатывать детским аниматором. Была веселой и симпатичной. Жила с мамой в Бутово, красила волосы в разные цвета. На праздниках для малышни показывала не сценки, а различные

опыты: могла превратить жидкость в кристалл, а картошку в проводник тока.

Паша не очень разбирался в девушках. Не в природе их поступков, тут инстинкты диктовали условия, и это поддавалось логике, а в эмоциях. Но ему казалось, он Кате нравится. Его же тянуло к Ане. Той, которая ему не по зубам. И не только в финансовом плане. Они встречались год, но ни разу не занимались сексом. Целовались, обнимались, да так пылко, что у обоих тряслись ручки и ножки после того, как они друг от друга отлипали. Однако Аня не позволяла переступать черту. А Катя сразу намекнула, что не прочь. Другой бы спал с доступной, а строил планы на ту, о которой грезит, но Паша был не из таких.

В первые два года учебы он жил в общежитии. Когда устроился в «Догму» и начал хорошо зарабатывать благодаря чаевым, переехал в комнату. Хозяйка квартиры, пожилая бездетная вдова, с мая по конец октября жила на даче, и Паша мог полностью распоряжаться и кухней, и туалетом. Это был большой плюс, потому что он очень уставал от людей в институте и на работе и кайфовал, находясь в одиночестве. В ТОТ день у него был выходной. Редкий и долгожданный. Хозяйка уже уехала, и Паша планировал получить от жизни все. То есть ходить по квартире голым, жарить куриную печень, от запаха которой бабку воротило, слушать музыку без наушников и читать труды советских физиков-ядерщиков.

Но когда он зашел в дом, то услышал:

— Паша, не дергайся, пожалуйста. Я не желаю тебе ничего плохого.

— Вы кто? — Он увидел силуэт человека. Тот расположился в кресле в углу его комнаты. На него обычно Паша сбрасывал одежду перед сном.

— Это не важно.

— Как вы в квартиру попали?

— И это тоже...

Был вечер, но за окном еще светило солнце. Однако тот, кто сейчас сидел в кресле, задернул в квартире шторы. Поэтому Паша не видел его лица, оно скрывалось в тени капюшона... И просто в тени.

— Сядь, — скомандовал незнакомец и указал на табурет в прихожей. Между ним и креслом было около пяти метров. Паша послушался. — Я хочу предупредить тебя: остерегайся чужаков. Не сближайся ни с кем посторонним, это может быть опасно.

— Вы меня ни с кем не путаете? Я простой человек. Студент-бюджетник. Сирота. Бедняк, как вы видите по обстановке...

— О, ты далеко не простой человек, — хмыкнул незнакомец. — Только пока не знаешь об этом. Ты, Паша Субботин, наследник.

— Заводов, газет, пароходов моего отца? Так все это раздербанили между собой его партнеры, прикормленные ими менты да бандиты.

— Все, да не все.

— Хватит говорить загадками! Можно хоть немного конкретики?

— Пока нет. Но я тебя предупредил. Если смогу, приду еще.

— Вот уж не надо.

— Поверь, я тебе еще пригожусь.

— Вы кто? И не надо вот этого вашего «не важно». Назовитесь хоть как-то...

— Хорошо, — покладисто согласился незнакомец. — Давай я буду Физиком. Считаю меня коллегой. А теперь, будь добр, уйди в туалет и запришь там.

— Это еще зачем?

— Хочу спокойно покинуть квартиру.

— Вы, между прочим, тоже чужак, а их я должен остерегаться!

— Паша, ты же умный парень, сам посуди: желал бы я тебе зла — сюсюкал бы тут с тобой? — Физик оперся руками о подлокотники, давая понять, что намерен вставать. — Иди в туалет. Я проверил щеколду, задвигается с нажимом. Как я услышу тяжелый лязг, уйду.

Спорить было бессмысленно, поэтому Паша сделал как велели. Когда он закрылся, дверь толкнули, проверили, заперта ли. Затем послышался голос:

— Ты когда своего двоюродного деда в последний раз видел?

— Пять лет назад. Перед отъездом в Москву.

— Советую его навестить.

— Не слишком ли много...?

Грохнула входная дверь, и слово «советов» можно было не договаривать. Паша стал отодвигать задвижку. Но она, как правильно заметил

Физик, была тугой. Когда парень справился с ней, покинул туалет и подбежал к окну, незваного гостя и след простыл.

Глава 2

Ах как она любила наряды!

Именно наряды, а не парадно-выходные вещи. Коктейльные и вечерние платья, что были уместны в обществе, Ариадне казались скучными. Ей нравились концертные платья звезд, в стразах, перьях, с трехметровыми шлейфами. Была бы ее воля, носила бы только их. И в пир, и в мир. Но Ари вынуждена была ходить в темной юбке и белой блузке на работе, а вне ее — в джинсах и футболках. Трудилась она в банке кассиром, а свободное время посвящала своей тетушке и ее собакам. Их было три, дворняжка, шпиц и какой-то терьер. Ариадна выгуливала их, а также выполняла все прихоти родственницы. Та обещала оставить ей свою огромную сталинку, и если недополучала внимания со стороны племянницы, то принималась ту шантажировать.

Надо сказать, что Ариадна хоть и хотела заполучить восемьдесят восемь квадратных метров в доме, построенном для партийной элиты в конце тридцатых, но не настолько, чтобы из-за них приносить себя в жертву ненавистному человеку. Тетку же она обожала с детства. Та была ее кумиром. И именно она сформировала в Ариадне вкус. Неуместный для работника банка, но подходящий для актрисы оперетты.

Тетка, Мария Лавинская, ею и была. Но блистала не только в театре. Она и в кино снималась. В трех советских мюзиклах, один из которых принес ей оглушительный успех.

Она была родом из славного города Энска. В нем окончила училище, дебютировала на сцене. Звездой оперетты стала там же. А квартиру в элитной сталинке для нее выбил первый муж, председатель горисполкома. С ним Мария через пару лет развелась, а все из-за того, что тот не хотел ее отпускать в Москву сниматься в кино. Побоялся, что уведут. Поскольку для тетки карьера была на первом месте, она с супругом рассталась и отправилась покорять даже не столицу, весь Советский Союз.

Успех Марии Лавинской пришелся на начало восьмидесятых. Она купалась в лучах славы и мужского внимания, думая, что дальше будет еще лучше. Но годы брали свое, ей перевалило за тридцать, и играть в кино юных кокеток она уже не могла, а на возрастные роли сама не приглашалась. И из столичного театра варьете ее вскоре попросили. А там — развал Союза, упадок, безденежье. На рубеже восьмидесятых — девяностых даже суперзвезды советского кино остались не у дел. Кто подавался в челноки, кто за еду и подачки на сходняках у бандитов выступал, кто оставался верным искусству, служил в театрах, спивался, опускался. Мария Лавинская прошла через все. И обувью торговала, и была «крепостной» актрисой при воре в законе Мономахе, и в родном Энском театре давала благотворитель-

ные концерты, опрокидывая в антракте несколько стопочек коньяка. На нервной почве потеряла голос. Выступать Мария Лавинская уже не могла. Но открыла в себе дар преподавания. Стала учить талантливых подростков пению. Ее взяли педагогом в родное училище. До пенсии она в нем работала. На заслуженный отдых ушла в шестьдесят. Могла бы задержаться, но опять попросили.

Ариадна своим экзотическим именем была обязана тетке. Та исполняла партию этой мифологической царевны в каком-то спектакле и хотела так назвать свою дочь, но после четырех абортов и двух выкидышей так и осталась бездетной.

Тетка много времени уделяла Ари, когда та была ребенком. Это было время благотворительных концертов и коньячка в антракте. Мария водила девочку в театр, позволяла смотреть за представлением из-за кулис, хозяйничать в гардеробной, пользоваться гримом. Но больше всего Ариадне нравилось ночевать у тети. Мама работала по сменам, а оставить пяти-семилетнюю дочь было не с кем, только с сестрой. Она первое время беспокоилась, все же Мария богема, любит погулять, выпить, да и мужики у нее чередой, но дочь заверила ее, что все хорошо. Они читают пьесы по ролям, пьют перед сном кефир и укладываются на соседних кроватях. Не знала она, что тетка и племянница договорились не мешать друг другу: Мария, если ей нужно было, уходила кутить или приводила компанию в дом, а Ариадна лазила по всем шкафам, примеряла все, что хотела, смотрела телевизор хоть до утра, пила вместо кефира фанту.